

Для цитирования: Подольский В. А. Анализ различий между традиционализмом и консерватизмом на примере луддитского движения // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 28—40.

УДК 32(091)

АНАЛИЗ РАЗЛИЧИЙ МЕЖДУ ТРАДИЦИОНАЛИЗМОМ И КОНСЕРВАТИЗМОМ НА ПРИМЕРЕ ЛУДДИТСКОГО ДВИЖЕНИЯ¹

Подольский Вадим Андреевич,
Институт философии Российской академии наук,
Сектор истории политической философии,
внештатный научный сотрудник,
кандидат политических наук.
Российская Федерация,
109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
E-mail: deomniscibili@yandex.ru

Аннотация

Введение. В данной статье сравниваются традиционализм и консерватизм как политические идеологии. Концептуальные рамки традиционализма представлены на основании анализа опыта движения луддитов и воззрений французских авторов эпохи Великой французской революции. Доказывается, что консерватизм и традиционализм имеют существенные различия, несмотря на то, что они расположены близко друг к другу в политическом спектре. Луддитское движение изучается как пример идеологического конфликта. Эта проблема представляется актуальной в наши дни по двум причинам. Во-первых, экономические изменения и автоматизация создают риски для рынка труда. Во-вторых, из-за миграции как в Европе, так и в России, в устоявшейся консервативной или либеральной среде появляются, с одной стороны, активные, с другой стороны, сравнительно обособленные носители традиционалистской идеологии, из-за чего могут возникать ценностно-обусловленные конфликты. Изучение логики традиционализма поэтому чрезвычайно важно как для того, чтобы сохранять культурную идентичность членов общества, так и во избежание нанесения вреда существующим институтам и отношениям.

Цели. Настоящая работа направлена на выявление отличительных особенностей традиционализма, вычленение ключевых положений идеологии из взглядов участников луддитского движения, их соотнесение с общим контекстом политической философии того времени.

Методы. Для систематизации взглядов луддитов использовался дискурс-анализ, изучена публицистика эпохи. Для изучения взглядов традиционалистов использовался контент-анализ. Для сопоставления традиционализма и консерватизма использовался сравнительно-исторический метод.

Научная новизна исследования. 1) предложено системное сравнение традиционализма и консерватизма как двух идеологических течений; 2) работы французского традиционалиста Л. Де Бональда не переводились на русский язык, их рассмотрение представляет ценность для российской науки; 3) луддитское движение рассмотрено не только в контексте изменения экономических отношений, но и в свете реконструкции политических идеологий и изменения политического пространства.

Результаты. Идеология традиционализма суммирована в виде формул: статичность и сакральность социальных отношений, восприятие общины, а не класса или индивида как политического субъекта, отношение к ремеслу как уникальному искусству, и сопоставлена с консервативными идеями. Это сравнение будет интересно российскому читателю для понимания особенностей эпохи, когда формировалось новое, капиталистическое, мышление, которое определило ход социальной и экономической модернизации в XIX в. и дальнейшее развитие всего человечества.

Выводы. Изучение луддизма, несмотря на локальность феномена, имеет ценность для прогнозирования реакции общества на существенные изменения экономических отношений. Традиционализм — это форма политической утопии, основанная на идее «золотого века» в прошлом. Консерватизм — это работоспособная политическая идеология, которая не только адаптировалась к социально-экономическим переменам последних двух столетий, но и задавала их динамику.

Ключевые понятия:

луддизм,
традиционализм,
консерватизм,
политическая идеология,
де Бональд,
индивидуализм,
модернизация,
британская политическая философия.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ. Грант номер 17-33-00060-ОГН а1.

В современном мире в контексте процессов глобализации и внутривластных процессов развитых стран можно наблюдать кризис либеральной модели экономического и политического развития, которая в конце XX в. считалась победителем. Процесс глобализации еще не повернулся вспять, но многие идеи, десятилетие назад бывшие маргинальными, теперь получают заметную поддержку как среди электората, так и среди элит. В этой связи возникают риски архаизации социальных практик, и поэтому для современного исследователя политической философии важно понимание различий между традиционализмом и консерватизмом как двумя оппонентами либеральной парадигмы.

В настоящее время в СМИ и научных трудах во всем мире часто обсуждаются перспективы автоматизации и связанные с этим вызовы для экономики и для общества. Из-за развития робототехники устаревает все больше профессий [30, р. 26—27], а концентрация капитала постоянно возрастает. Трудовые доходы в ближайшем будущем будут составлять меньше половины от общих доходов населения планеты, хотя еще в 1970-е они составляли почти 60 % (см. исследование Л. Карабарбуниса и Б. Неймана «The Global Decline of the Labor Share», 2013). По мнению многих исследователей, из-за сокращения роли труда в экономике радикально возрастет поляризация общества, которое разделится на хозяев новых технологий и капитала с одной стороны и безработных бедных — с другой.

Похожая ситуация уже возникала в прошлом, в начале XIX в., во время промышленной революции в Британии, и это была чрезвычайно важная веха в истории модернизации и формирования современного индивидуалистического общества на Западе. Внедрение новых технологий разрушило старые общественные отношения и лишило высококвалифицированных работников источников дохода. Они отреагировали закономерно: начали разрушать новые машины. Многие из современников сочувствовали им, но в основном общественное мнение поддерживало распространение механизмов. В наши дни автоматизация не приводит к массовым разрушениям машин, но опасения по поводу вероятного влияния новых технологий на повседневность встречаются не только среди представителей уязвимых отраслей экономики. В связи с этим представляется целесообразным изучить проблемы той эпохи и их восприятие современниками.

Осторожное или скептическое отношение к новизне в широком смысле — в экономике, в управлении, в общественных отношениях — это особенность двух сопредельных, но не совпадающих идеологий: консерватизма и традиционализма. Оба термина имеют широкое хождение в современной мировой политике. В СМИ, публицистике и иногда в критике консерваторов оппонентами, например Ж.-Ф. Друле («Американский неоконсерватизм: политика и культура реакционного идеализма» (2011)), эти термины могут смешиваться, в равной степени увязываясь с архаичными смыслами: проявления традиционализма зачастую идентифицируются как часть консерватизма. В связи с этим возникает необходимость артикулировать их различия. Уже на уровне базовой этимологизации течений (консерватизм — «сохранение», традиционализм — «приверженность традиции») можно наблюдать ключевое различие между ними — относительную абстрактность консерватизма и относительную конкретность традиционализма. Эти особенности отмечали многие исследователи, например В. Аверьянов («Традиция и динамичный консерватизм», 2012) или П. Кинг («Новая политика. Либеральный консерватизм или те же старые Тори?», 2011). Консерваторы представлены в парламентах и правительствах многих стран, а традиционалистские партии редко набирают больше процента голосов.

Рассуждая о проблемах консерватизма в XXI в., современный исследователь Питер Дори пишет, что консерватизм благодаря Тетчер стал практически неотличим от нео-либерализма в экономической части; при этом нео-либерализм оказывает явно разрушительное воздействие на традиции [18, р. 168]. Нео-консерватизм, таким образом, парадоксально становится и «правее» консерватизма, защищая принципы невмешательства государства и частной инициативы, и «левее» его из-за отрицательного влияния на традиции [6, с. 67, 74]. Дори отмечает упадок консерватизма после Тетчер. Американский консерватизм, по мнению Питера Берковица [10], еще пытается следовать пути викторианского консерватизма и примирять экономическую свободу с традиционными ценностями, но этические и социальные изменения последних лет ставят оба эти принципа под сомнение и, как признает Берковиц, консерватизм уже не сможет вернуть радикальные инновации вспять. В этой связи актуальным становится

вопрос о перспективах консерватизма вообще и формах его существования в частности. Английский политик Дэвид Дэвис обозначает «защиту старых свобод, а не создание новых прав» в качестве приоритета тори [16, pp. 4—11] в будущем и перечисляет ключевые идеи консерватизма: низкие налоги, дерегуляция экономики, относительная изоляция от Европы, регулирование миграции, уменьшение роли профсоюзов. Хотя консерватизм сохраняет некоторое количество базовых принципов, в этическом плане он смешивается с леволиберальной ценностной парадигмой [6, с. 79]. Традиционализм же гораздо больше внимания уделяет ценностям «старого» консерватизма — семье, религии (или хотя бы ритуалу), иерархии.

Если консерватизм исследован как в России, так и в зарубежной литературе, то традиционализм довольно редко оценивается за пределами его национальных и этнических конкретно-исторических форм (чаще всего изучаются культурные практики), и в качестве примеров теоретизированного традиционализма обычно называют немецкий романтизм и британскую «озерную школу». Политический традиционализм — феномен, исследованный относительно мало. Среди работ по политическому традиционализму можно упомянуть текст Б. Джессопа «Традиционализм, консерватизм и британская политическая культура» (1974) и «Консерватизм в Европе 1770—1945: традиционализм, реакция и контрреволюция» Дж. Уэйса (1977). На стыке проблематики трудовых отношений и традиционализма — работа Г. Лангенфельт «Историческое происхождение восьмичасового рабочего дня; исследования английского традиционализма» (1954). В русскоязычной литературе исследованиям традиционализма посвящена работа Л. А. Сугрея «Традиционализм в контексте социально-философского анализа» (2003).

Русский филолог И. И. Кравченко в качестве ключевых представителей теории традиционализма XVII в. называет Р. Фильмера (Британия) и Ж. Б. Боссюэ (Франция), в XIX в. это К. Л. фон Галлер (Швейцария) и К. С. делла Маргарита (Италия). Наиболее известная фигура в политическом традиционализме — это Л. де Бональд. В российской науке он упоминается сравнительно редко: его работы не переводились с французского. Ему посвящены работы Д. Клинка «Французский контрреволюционный теоретик, Луи де Бональд» (1996), Б. Мазлиха «Берк, Бональд и де Местр; исследование

консерватизма» (1955), К. Бламиреса «Три критика французской революции: Местр, Бональд и Сен-Симон» (1986), М. В. Тишковой «Политические взгляды Луи де Бональда у истоков французского традиционализма» (2006) и др.

Главный предмет настоящего исследования — луддитское движение — заслуживает внимания как один из примеров исторического поражения традиционализма в европейской политической практике. Помимо этого, луддизм как частный случай традиционализма связан с важнейшими вопросами, обсуждение которых во многом определяло ход политического дискурса в XIX в. и не потеряло актуальность сегодня: отношение труда и капитала (мастера и наемного рабочего), отношение к природе, отношение между обществом и государством, ценность профессии и мастерства, соотношение преемственности и прогресса, соотношение закона, интересов и традиции. Различия в решении этих вопросов позволяют более четко обозначить разницу между консерватизмом и традиционализмом.

Луддизм ограничен во времени (1811—1817) и в пространстве («Мидлендс», центральные графства Британии — Ноттингемшир, Йоркшир, Ланкашир), но тем не менее он получил колоссальное внимание со стороны исследователей. В русской литературе луддитское движение освещено в трудах В. Васютинского (1929), Л. Рыклина (1933), А. А. Зворыкина (1962), Е. Б. Черняка (1962), В. П. Волгина (1976), Л. Е. Кертмана (1979). Из французских авторов можно упомянуть работу В. Бурдо и Ф. Жарриж (2006). В Германии вопросами луддитского движения занимались Р. Тауберт и М. Хенкель (1979), Р. Питер (1984), М. Спер (2000). В англоязычной литературе феномену посвящено большое количество материалов, от записей очевидцев, как, например, «Обращение к публике... о беспорядках на севере от участника событий» Френсиса Рейнса (1817) и «История вязальных машин и кружев» пострадавшего от луддитов Грэвенера Хенсона (1831), до исторических исследований, например «Истории луддитов и чартистов» Франка Пила (1880), «Разрушителей машин» Э. Хобсбаума (1952) и масштабной монографии «Тексты луддитов» Кевина Бинфилда (2004).

О луддитах повествует рассказ Шарлотты Бронте «Ширли», «Наследие» Филиппа Бентли, «Through the Fray» Г. А. Хенти, «Ben o' bills» Д. Ф. Е. Сайкса и Г. Х. Уолкера, «Разрушители машин» Эрнста Толлера.

Феномен породил прочно вошедший в речь англоговорящей публики термин «луддит», который сегодня используется для обозначения неприязни к технологии [15]. Нео-луддиты — это сформировавшееся во второй половине XX в. интеллектуальное течение, которое относится к технологическому развитию как источнику проблем для человека [25, р. 20], а не средству решения существующих задач [19, р. 15].

Луддитское движение представляет интерес как эпизод из эпохи кардинальных изменений общественных отношений. Период смены XVIII в. веком XIX — это время перехода от традиционного общества к современному. Две революции предопределили направление развития мира на два века вперед — промышленная в Англии, на которую реагировали луддиты, и политическая во Франции, на которую реагировали консерваторы и традиционалисты.

В Средние века и Новое время применение машин было ограничено законодательно, а случаи стихийного разрушения новых механизмов встречаются в Европе в течение XVII—XIX в. [3, с. 438]; английский Парламент в 1727 даже вводил закон о смертной казни за разрушение машин [11, р. 15]. Внедрение изобретений в текстильной отрасли Британии привело к грандиозному увеличению производительности труда и расслоению ремесленного и торгового сословий [33, р. 42—43]. Де Бональд задолго до распространения социалистических учений обратил внимание на то, что новый капитал концентрировал не только ресурсы (на новых фабриках), но и население (в промышленных городах), вытесняя мелких ремесленников и буржуа [13]. Де Бональд убежден, как и социалисты, что промышленная революция редуцировала сложную структуру общества [12, р. 28], сведя ее к противостоящим пролетариату и капиталистам [8]. Задолго до Диккенса и Карлейля де Бональд критикует эту экономическую модель, противопоставляя ей идеализированные трудовые отношения *ancien régime*. Потеряв работу, ткачи не имели возможности переквалифицироваться [33, р. 44] из-за избытка предложения на рынке труда: параллельно с введением новых механизмов активно шло огораживание земель, и множество крестьян лишалось земли, формируя массу пауперов. Также ткачи не могли, вопреки британской максиме, «опираться на собственные силы»: развитие фабричного производства делало невозможным продажу кустарной продукции, разрушалось доступ-

ное в прошлом многообразии занятий ремесленника [3, с. 495].

Ткачи были вынуждены апеллировать к Парламенту, с большим или меньшим успехом, ссылаясь на старые хартии, которые защищали их отрасли от изменений. Они протестовали против отказа парламента принять закон о «тайне ткачества» в 1768; 50 000 человек обратилось в Парламент с петицией против чесальных машин Аркрайта; в 1799 в Ноттингеме ткачи ломали станки, когда парламент отверг их петицию о минимальной заработной плате [5]; ткачи подавали петицию против использования широких станков, производивших некачественную продукцию, и избыточного числа подмастерьев [20, р. 226]. Постепенно уступки властей все сокращались [17, р. 374], пока, наконец, законодательство не стало работать сугубо в пользу крупного производителя: уже к концу первого десятилетия XIX в. все старые ограничения на использование механизмов были отменены.

Первый крупный историк луддизма Ф. Пил с горькой иронией описывает «несмышленных» рабочих, которые «отказывались по невежеству своему ложиться под колеса прогресса» и «не читали Мальтуса и не понимали, что не заслуживают общественных благ» и не могут оценить прекрасных нововведений, которые «выбрасывали тысячи на улицу, лишая их средств к существованию и превращая рабочих в попрошайек» [31, р. 25—26]. Поэтому, продолжает он, они «по глупости своей» решили уничтожить машины, лишавшие их хлеба.

Движение луддитов сформировалось в известном восстаниями ткачей Ноттингемшире, термин впервые был употреблен в местной газете «Ноттингемское обозрение» в 1811 г. и затем стал популярным [25, р. 47]. По местной полуполюгендарной версии, на которую ссылалось большинство современников и многие историки, Эдвард «Нед» Лудд был простоватым ткачом, который разломал свой станок когда-то в 1780-е после того, как получил упрек в нерасторопности от работодателя. Именно на эту фигуру ссылались ткачи, когда отвечали «Лудд сделал это», если у них спрашивали о сломанных станках. Другая версия — от местного словечка «ludd», обозначающего в определенном контексте «разломать».

Луддитское движение было беспрецедентным в истории разрушения машин не только по массовости и организованности, но и по солидарности, которая создавалась за счет образа «лидера» в лице «Генерала

Лудда», «защищавшего» законные права ткачей Ноттингема, «объединявшего» ткачей хлопчатобумажной отрасли Манчестера, и «охранявшего закон» в Йоркшире [11, р. 18].

Луддиты рассылали угрожающие письма владельцам станков, и, в случае если владелец не убирал механизмы, они их разрушали. Всего за три недели в 1811 г. в Ноттингеме было разломано две с половиной сотни станков [31, р. 31—32]. Активность луддитов привела к восстановлению закона о смертной казни за разрушение машин, против чего горячо выступал лорд Байрон, представлявший в палате лордов именно это графство [14]. Впрочем, ни один из участников этих событий не был арестован, поскольку луддиты успевали скрываться до появления представителей властей, а население не выдавало их, поскольку было преимущественно на их стороне из-за неприязни к новому капиталистическому порядку [32, р. 348]. Ф. Дарвол и Э. Хобсбаум объясняли луддизм как «торг через бунт», исторически привычный для Англии. До трейд-юнионизма, уверен Хобсбаум, разрушение машин было самым эффективным инструментом, доступным рабочим [21, р. 59].

Луддиты считали, что борются с нарушениями Хартии о свободах ткачей Карла II и еще более древних документов: Статута о ремесленниках 1563 г. и Статута работников 1381 г. [24]. «Мы уверены, что Парламент был обманут, и считаем акт против разрушения машин незаконным», писали они [36, р. 531].

Вскоре разрушение машин перекинулось в Йоркшир — здесь во главе бунта стояли стригальщики, специалисты по ручной обработке шерсти — для этого использовались огромные тяжелые ножницы, управляться с которыми мог только очень квалифицированный и сильный рабочий [11, р. 16]. Популяризация ворсовальных машин (которые ранее были запрещены ещё указами XVII в.) и появление стригальных машин в купе с общим упадком в отрасли обесценивали сложный труд стригальщиков и лишали их работы, до 25 % населения региона не имело достаточно средств на пропитание [31, р. 27]. Как и в Ноттингемшире, луддиты рассылали угрожающие письма от генерала Лудда тем предпринимателям, которые использовали «отвратительные машины», и по ночам разрушали станки огромными молотами (отсюда поговорка «Енох их сделал, Енох их и ломает» — Енохом звали местного производителя станков и кувалд), если

предприниматели отказывались избавиться от них самостоятельно.

Наконец, движение проникло и в Манчестер и Ланкашир, где совпало с голодными бунтами. Манчестерские ткачи были доведены до крайней нужды из-за высоких налогов, низких зарплат, безработицы и дороговизны и, как и ноттингемширские ткачи, отправили петицию в Парламент, которая была проигнорирована. Продавцы тканей и ткачи собирались обсудить участь отрасли, но продавцы уже достаточно дистанцировались от работников, поэтому диалог не состоялся, и мирные собрания ткачей стали разгонять. Ткачи, а также другие полуголодные жители Манчестера и его округа ответили разгромами больших фабрик и разрушением паровых ткацких станков [25, р. 57]. Военные стреляли по толпе, были убитые. В печати луддитов в основном критиковали, не упоминая их крайне тяжелое положение [35, р. 110].

В Йоркшире происходили самые настоящие военные действия. После ряда неудач стригальщики перешли от погромов машин к расхищению арсеналов [31, р. 36]. Ряд историков (например, Е. П. Томпсон) поэтому убеждены, что луддитское движение могло стать основанием для полномасштабной революции [29, р. 282], ведь, во-первых, с 1640-х гг. Англия не знала столь серьезной активности военных на своей территории и, во-вторых, луддитам случалось высказываться в поддержку французской революции вопреки консервативному отвержению к революции, которое в то время было британским консенсусом [23]. Напуганная активностью луддитов, йоркширская администрация требовала все больше и больше военной поддержки, пока, наконец, в графстве не собралось больше солдат, чем в свое время вел Веллингтон в иберийскую кампанию [34]. Впрочем, еще современники (в том числе генерал Мейтленд, руководивший войсковой операцией) [29, р. 289] отмечали, что размах движения луддитов был существенно завышен, и именем Лудда зачастую прикрывались обычные бандиты [35, р. 100]. После масштабной неудачной атаки луддитов на Роуфорд Миллс 14 человек было казнено [28, р. 13] и несколько сотен выслано в Австралию. В Ланкашире луддитское движение закончилось казнью 10 из его участников, еще 38 было сослано [34]. Движение пошло на спад и полностью прекратилось к 1817 г. Механизация выбила до двух третей рабочих из отрасли [33, р. 67], к середине века большинство из ре-

месел, которые защищали луддиты, перестало существовать [22, р. 39].

Луддитов поддерживали такие выдающиеся личности, как Лорд Байрон, им симпатизировали Джон Рёскин, Томас Карлейль, Чарльз Диккенс, Уильям Вордсворт, которые говорили об угрозе машины для общества. Пастор Патрик Бронте, отец Шарлотты Бронте, которая написала роман «Ширли» о луддитах, втайне позаботился об одном из раненных в атаке на Роуфорд Миллс, а впоследствии и похоронил его [19, р. 36—40]. Друг Байрона, Перси Шелли, создал фонд для сирот-луддитов.

Как пишет Б. Капустин, для луддизма характерна незрелость политического действия [2, с. 69]. Активность луддитов и других разрушителей машин (например, молотильщиков, участников «Бунта капитана Свинга» — от *swing*, взмах цепа, которые также рассылали угрожающие письма от имени Капитана) [9, р. 16] не соответствовала новым политическим реалиям и ускоряющейся деконструкции традиционного общества. Луддиты апеллировали к старым общественным связям, в то время как уже сформировались и окрепли новые. Действия и задачи другого массового движения рабочих, чартистского движения, потрясавшего британскую политику в 1840-е, были уже в полной мере обращены к новым политическим реалиям и демонстрируют модернистскую политическую логику.

Эпоха луддитского движения — то время, когда консерватизм уступил традиционализму статус наиболее реакционного течения европейской политической мысли. Консерватизм чаще всего связывают с работой «Размышления о революции во Франции» Э.Берка. Согласно другой трактовке [37, р. 9], первыми консерваторами были феодалы, которые противились инноваторским инициативам абсолютизма в XVII—XVIII вв., и теоретиком здесь можно считать Монтескье. Еще до французской революции немецкий автор Ю. Мёзер артикулировал принципы консерватизма: защита локального управления от произвола центральной власти и критика политического прожектерства [6, с. 37—42].

Традиционализм в течение некоторого времени противостоял консерватизму: его основные теоретики XVII в. (Фильмер, Боссюэ) были апологетами абсолютизма. Де Бональд фиксирует это отличие, и в его время традиционализм становится идеологией более критичной ко всему новому, чем консерватизм. В отличие от консерваторов, де Бональд уверен, что изменение

вообще — синоним зла: Де Бональд восхищался условиями своей жизни [27, р. 137, 151] и стремился сделать их неизменными; де Местр, как пишет Исая Берлин, тоже пытался остановить движение истории своей прозой [1, с. 211].

Традиционализм считает существующий общественный порядок сакральным, описывая социум как часть мирового, божественного, телеологического порядка. Данную точку зрения разделяли ранние консерваторы (Берк пишет о пруденции как постоянном сопоставлении социальных порядков с божественными), но консерватизм постепенно удалялся от нее (Дизраэли, Рёскин). Единственной допустимой организацией общества считалась иерархия сословий (в консерватизме эта идея сохранилась по сей день в виде концепции органичности неравенства) [18] с сильным духовенством и монархией, подчиненной Риму. В протестантской Британии ультрамонтанство не могло быть популярным, но в остальном луддитское движение в полной мере ориентировалось на средневековую статичную картину мира, ценность гильдий и защиту прав ремесленников согласно старым порядкам.

Политические идеи и концепцию божественного права де Бональд заимствует из допросвещенческой философии и схоластики и повторяет идеи Боссюэ, утверждая, что короли — это министры Бога, и их интересы едины с народными. Иерархия и необходимость подчиняться власти, пересказывает де Бональд Боссюэ, призваны ограничить порочную и конфликтную (на что обращают внимание де Местр и Берк) природу человека, но в то же время сохранить свободы: согласно традиционалистам, власть от Бога гарантирует человеческую свободу, потому что устроена на фундаментальных законах вселенной. Во избежание войны всех против всех и для поддержания стабильности общество должно иметь только одну голову — монарха, уверены они [27, pp. 130—154]. Аргументацию для защиты этого утверждения де Местр собирал из обширного эмпирического материала, который представлял послереволюционный хаос во Франции. Де Бональд не верил в просвещенческий разум, потому что права человека в его время означали казнь короля, а суверенитет разума — преследования католиков. Как традиционалисты, так и многие консерваторы обвиняют философские проекты изменения общественного строя в том, что они подвержены влиянию страстей исследователя,

противоречат интуиции и предлагают чрезмерно разбросанные интерпретации природы. Представители обоих направлений критикуют рационализм и механицизм просветителей за игнорирование политического опыта, рассуждая о неприемлемости использования априорного знания в области политики (де Местр — через обличение концепции «общечеловека» и идеи замещения персонализированной власти короля законом). По мнению де Местра, власть не может иметь силы и уважения, если она рациональна, ограничена и постижима, поэтому основание правления всегда иррационально; в качестве иллюстрации этой идеи он приводит пример неписанной английской конституции. Де Бональд считал, что люди не могут почитать новое, потому что они скептически относятся к тому, что понимают. Традиционалисты и консерваторы уверены, что власть должна принадлежать созданному обществом (а не философами) и устоявшимся институтам [1, с. 214—217, 226—233, 249, 295]. Луддиты защищали свое ремесло именно в этом контексте: оно выполняло свои социальные и экономические функции веками, и столетиями его охранял закон.

По мнению традиционалистов, просветительское «общество как деловое сотрудничество», которое обязано обосновывать себя договором, нежизнеспособно; общество — это необходимое условие существование человека, а не просто юридический конструкт. Общественный договор предполагает равенство сторон, и применение власти, подразумевающее подчинение, становится невозможным.

Общество предшествует индивиду и служит основой цивилизации, пишет де Бональд, а человек значим только в социальном контексте. По мнению традиционалистов и ранних консерваторов (Де Местр цитирует Берка про невидимые связи в обществе), общество — это органическая личность, и благополучие государства как сущностного единства важнее благополучия отдельных членов. Де Бональд считал, что степень свободы определяется социальной интеграцией [7, с. 386]. Историки Дж. Бохстед и К. Калоун считали, что луддиты были защитниками общинного традиционализма. У традиционалистов ценность общины обосновывается теоретически: вне общины индивид ищет средства для удовлетворения своих прихотей, а не созидания общего блага, а утилитаризм и гедонизм, по де Местру, не могут быть целью общества. Общество выстроено на самопожертвовании без оцен-

ки выгоды, только для непрерывности социального бытия [1, с. 242].

Критика индивидуализма — это сугубо традиционалистская идея, которая на протяжении XIX в. вымывалась из консерватизма: если у Берка единицей измерения общественного бытия была группа интересов, то Карлейль и Рескин апеллируют уже строго к индивиду. По мнению де Бональда, индивидуальная свобода — опасная химера. К тому же, уверен де Бональд, существование не обусловленных обязанностями «прав» делает каждого человека потенциальным тираном. Де Бональд знал из своего опыта, что дворянин — это служитель сообщества, а не тот, кому служат [12, р. 27]. Мысль о том, что права — это производное от обязанностей, которую высказывали Берк и Саути, у де Бональда выражена сильнее: он уверен, что права — это права выполнять обязанности [27, р. 133, 142, 149].

Де Бональд задолго до того, как критика идей *laissez-faire* стала набирать популярность, сформулировал проблему соотношения равенства в правах и неравенства экономических возможностей. Именно идея «договора» использовалась как аргумент в дискуссии о пауперизме в начале XIX в.: считалось, что лишенные земли крестьяне и ткачи идут на фабрики как свободные участники экономической деятельности. Промышленники до середины XIX в. воспринимались не как эксплуататоры, а как «добрые люди, помогавшие этим несчастным» [4, с. 36] и дававшие шанс детям заработать. Де Бональд возражает: если люди равны в правах, но у части нет средств к существованию — это не равенство, уверен он. Похожих взглядов придерживались представители британской «озерной школы», которые сочувствовали потерявшим из-за промышленной революции возможность зарабатывать крестьянам и ремесленникам.

Традиционалисты ценят проверенность, привычность, постоянство и цикличность не только в общественных отношениях, но и в организации производства. Де Бональд, выходец из района мелких землевладельцев, крайне близок к луддитским идеям, когда защищает сельское хозяйство в своей статье «О сельской семье...». Де Бональд описывает естественность и семейственность сельского производства и неестественность промышленного: в период луддитского движения сокращался срок контрактов и формат отношений между нанимаемыми сельскохозяйственными рабочими и земле-

владельцами изменился с «семейного» на строго капиталистический [5].

Известнейшая работа «О разводе» де Бональда оказала огромное влияние на французское законодательство — по инициативе де Бональда развод был запрещен, и запрет держался до 1884 г. По мнению де Бональда, семья, приход, гильдия, были очагом добродетели, совершенства и счастья. Гильдии старого порядка также помогали связать общество вместе, т. к. они функционировали, подражая семьям, и были основаны на постоянстве [12, р. 23—29]; об этом же писал Ю. Мезер.

Из-за зависимости от погодных циклов, по де Бональду, крестьяне уповают на Промысел. Рабочие, напротив, зависят только от деятельности человека и поэтому обвиняют в своих бедах богатых и правительство и создают нестабильность. Крестьянская община поддерживала короля и церковь, а вольнодумство выросло в городах. Похожие идеи высказывал Дизраэли периода «Молодой Англии».

Фермер трудится умом, закаляет тело и усваивает естественную эстетику природы, а фабричный рабочий сам превращается в машину, писал де Бональд. Промышленность, уверен он, — это враг порядка: из-за привязанности промышленников к своеволию, коммерция рождает войны и вседозволенность. Она вырастила тягу к роскоши, которая ведет к разложению. Она вызвала избыточный рост населения и рушит семью. Только локальная форма промышленности (т. е. именно такая, которую защищали луддиты), писал де Бональд, приемлема, поскольку ее эффективность подтверждена многовековым опытом [13].

За полвека до популяризации идей Маркса традиционалистская реакция луддитов выявила новую форму отчуждения труда. Если консерватизм (возможно, из-за того, что его представители принадлежат к протестантской, а не католической культуре) воспринял идеи своего времени и выражал в вопросах трудовых отношений как утилитаристские идеи (Дж. Ф. Стивен), так и почти социалистические (Рёскин), то традиционализм предлагает относиться к рабочему не просто как к оператору средств производства, который претерпевает приходящие «сверху» постановления государства и капитала, а как к созидателю, активному участнику творческого процесса. Традиционализм воспринимает труд в первую очередь как ремесло, таинство, исполнение долга через применение талантов на службу общине [12, р. 28], а не как источник прибыли.

Традиционная культура не меняла производство и типы социальных отношений поколениями, и XIX в. как эпоха масштабных изменений в обществе, экономике и политике вызывал отторжение и неприятие у традиционалистов как представителей старого порядка — ремесленников в лице луддитов и старой аристократии в лице французских теоретиков. Консерватизм, напротив, был представлен во многом «новыми» классами (например, Дизраэли и Рёскин происходили из торговых семей, Берк, критиковавший Генеральные штаты за преобладание в них юристов, был сыном адвоката и т. д.), но тем не менее сумел, опираясь на политические традиции и принцип умеренности, предотвратить в Британии якобинские, антимоноархические и социалистические потрясения.

Консерватизм и традиционализм имеют общие черты: неприязнь к не опробованным на опыте моделям управления, восприятие защиты от хаоса как ключевой задачи политики, бережное отношение к существующей социальной структуре, восприятие общества как организма, уважение к культурным привычкам («предрассудкам» по Берку) населения и убежденность в ограниченности неравенства и преобладании страстей над разумом в поведении человека (и, следовательно, учет иррационального в управлении), восприятие прав как следствия обязанностей; оба течения полагают, что исправление недостатков общества достигается через личную борьбу с пороками каждого человека, а не через изменение учреждений.

Отличия между консерватизмом и традиционализмом в XIX в. состояли в том, что традиционализм опирался на абсолютизм, католичество, феодальное сельскохозяйственное производство, привилегии сословий, иерархию, гильдейскую организацию. Консерватизм постепенно приходит к индивидуализму, традиционализм же нацелен в первую очередь на защиту общины и возражает против индивидуальной свободы в либеральном смысле. Консерватизм возражает против вмешательства государства в местные дела, традиционализм — против вмешательства правительства в отношения между общиной и индивидом.

Де Бональд не изучал свое время, отмечает британский исследователь Гарольд Ласки [27, р. 128]; это важное отличие от консерватизма, ключевым инструментом управления которого было детальное исследование ситуаций. Луддитское

движение показывает, что традиционализм уделяет гораздо больше внимания проблемам прогресса, техники и экономической и социальной статике, чем консерватизм, полемизирует с культурой модерна, которая производит агрессивное, ускоряющее изменение природной и общественной среды. За 150 лет до того, как Хоркхаймер и Адорно поставили проблему обезличивающей массовой культуры (ставшей возможной в частности благодаря массовому, конвейерному производству), луддиты защищали уникальность своих ремесел. Консерватизм не выдвигает принципиальных возражений против изменения природы для нужд человека, традиционализм защищает поддержание круговорота бытия, невмешательство. Традиционализм защищает конкретные исторические формы, метафизичен, основан на романтизме, архаике. Консерватизм, напротив, эмпиричен, практичен, нацелен на устойчивое развитие и стабильность. В противоположность традиционализму, консерватизм идет вперед, оглядываясь назад; по Р. Пилю, проводит реформы при сохранении порядка [6, с. 19].

Изменение общественных отношений в результате французской революции постепенно привело к отмиранию социальных и политических форм, защищаемых традиционализмом. В отличие от консерватизма, который сумел адаптироваться к изменяющимся условиям и оформиться в качестве политического метода, а не системы ценностей, традиционализм пытается сочетать и форму в виде набора методов управления, и содержание в виде строго очерченной системы ценностей. Выйдя за свойственные политическим концепциям функции, традиционализм потерял свою работоспособность и превратился в просвещенческую утопию золотого века в прошлом [6, с. 174]: французские монархисты и бонапартисты в течение всего XIX в. с переменным успехом пытались восстановить монархию и империю, не принимая революцию и реставрацию как части французской истории. В конце XIX — начале XX в. происходит постепенная подмена традиционалистских смыслов ультраправой риторикой (от реставрационного дискурса до антисемитской позиции в известном «деле Дрейфуса»). Известнейший представитель французских «правых» Ш. М. Моррас (*Action Française*) рассматривал католицизм и монархию уже скорее как средства поддержания и воспроизводства французской идентичности, а не как ценности [26]; вероятно, именно из-за

Морраса Берлин ассоциировал де Местра с фашизмом. В европейских странах и Японии традиционализм ко второй половине XX в. маргинализуется как сугубо культурный (этика труда и общечеловеческого) или даже обрядовый (конституционные монархии) феномен.

Повседневный традиционализм остается сильным в Британии, как и явно выраженная классовость общества и неравенство. Тем не менее, множество традиций исчезает, этика меняется (снижается посещаемость церквей, ослабевают институт брака, размывается определение девиантного поведения), возникает вероятность изменения моделей управления по образу континентальной Европы — например, в 1999 г. были отменены права наследственных пэров в палате Лордов. Однако вне резких социально-экономических потрясений, которые могли бы переломить трехсотлетний британский скепсис по отношению к переменам в правлении, основные принципы консерватизма в перспективе остаются прежними: учет неравенства как проявления человеческой природы при сохранении национального единства [18, р. 249], постепенное внедрение нововведений с опорой на опыт, ограниченное правление, сильное самоуправление и самоорганизация, артикулированные в концепции «Гражданского консерватизма» Д. Уиллетса (современного популяризатора консервативных идей), экономическая свобода и отсутствие препятствий в виде подавляющих налогов для наиболее экономически активных членов общества.

В феноменальном смысле в наше время различие между консерватизмом и традиционализмом может быть проведено в контексте концепции «столкновения цивилизаций» — идейный, социальный и институциональный разлом сформирован противостоянием двух политических и культурных «игроков», условно-христианского Запада и мусульманского Востока; ислам формирует традиционалистское идейное пространство, а в прогрессистском западном мире консерватизм служит защитой от излишнего радикализма нововведений. Конфликт этих идеологий чреват серьезными социальными потрясениями, поэтому их изучение и анализ чрезвычайно важны.

Сравнение традиционализма и консерватизма важно в международном контексте для качественного анализа культурных парадигм, социально-экономических отношений в разных странах. Изучение традиционного общества имеет большое значение для

концепции устойчивого развития и анализа проблем техногенной цивилизации. В качестве примеров таких исследований можно упомянуть тексты Д. Нобла (1995) и К. Сейла (1999) об агрессивности прогрессизма или Ж. Фурастье (1949) о длительности существования традиционного общества и неопределенности перспектив современного техногенного общества.

Анализ луддизма важен для работы с такими проблемами, как отношения труда и капитала, связь автоматизации и безработицы, сохранение идентичности и уникальности ремесел и профессиональных компетенций. Луддизм как исторический феномен, хотя и не охватил всю Британию, стал одним из самых серьезных вызовов для королевства за последние 300 лет. Учёт опыта этого движения полезен как для исследователей, так и для лиц, принимающих решения для прогнозирования рисков, связанных с возможными изменениями социально-экономической ситуации в будущем. Знакомство с опытом луддизма полезно для отечественной науки для оценки периода индустриализации и модернизации в России в 1930-е гг., который происходил не менее драматично, чем в Англии начала XIX в.

Изучение традиционализма также важно для формирования в отечественной науке целостного представления о консерватизме, поскольку, в отличие от Англии, континентальной Европы и США, преемственность консервативной мысли в России прерывалась. В последние десятилетия это направление изучается такими авторами как В. А. Гусев, Н. Ф. Жирнов, К. А. Лотарев, Б. Г. Капустин, А. Н. Мочкин, А. Г. Мысливченко, С. П. Перегудов, А. М. Руткевич, В. И. Шамшурин, М. М. Федорова и др.

1. Берлин И. Философия свободы. М. : Новое литературное обозрение. 2001. 448 с.

2. Капустин Б. Г. Изменяющиеся связи между капитализмом и демократией (в России и мире) // Логос. 2012. № 4 (88). С. 36—70.

3. Маркс К. Капитал. Т. 1. М. : Госполитиздат. 1949. 900 с.

4. Мюрберг И. И. Свобода в пространстве политического. Современные философские дискуссии. М. : Идея-Пресс. 2009. 236 с.

5. Поулсен Ч. Английские бунтари / пер. с англ. С. В. Кибирского ; ред., предисл. и коммент. С. Н. Бурина. М. : Прогресс. 1987. 278 с.

6. Руткевич А. М. Что такое консерватизм? М. : Университет. кн., 1999. 224 с.

7. Федорова М. М. Западноевропейский консерватизм первой половины XIX века // Европейская политическая мысль XIX века / [отв. ред. И. К. Пантин, И. И. Мюрберг]. М. : Наука. 2008. С. 383—424.

8. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 2. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1959. С. 231—517.

9. Archer J. E. Social Unrest and Popular Protest in England, 1780—1840. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. Pp. VI, 110.

10. Berkowitz P. Constitutional conservatism: liberty, self-government, and political moderation. London : Hoover institution Press, 2013. 146 p.

11. Binfield K. Writing of the Luddites. Baltimore : John Hopkins University Press, 2004. 312 p.

12. Blum C.O. On Being Conservative: Lessons from Louis de Bonald The Intercollegiate Review // Spring. 2006. Pp. 23—31.

13. Bonald, L.G.A. de. On the Agricultural Family, the Industrial Family, and the Right of Primogeniture // Critics of the Enlightenment / C.O. Blum, ed. and transl. Wilmington DE : ISI Books. 2004. pp. 107—132.

14. Byron G.G. Speech in the House of Lords on the 1812 Frame Breaking Act // The Parliamentary Debates from the year 1803 to the present time. Vol. XXI / ed. by T.C. Hansard. London : T.C. Hansard, Peterborough Court, Fleet Street, 1812. Pp. 966—972.

15. Conniff R. What the Luddites Really Fought Against // Smithsonian magazine. 2011. March.

16. Davis D. The Future of Conservatism: Values Revisited. London : Biteback Publishing, 2011. 386 p.

17. Dinwiddy J.R. Radicalism and Reform in Britain, 1780 to 1850. London : The Hambledon Press. 1992. 476 p.

18. Dorey P. British Conservatism, The Politics and philosophy of inequality. London: I.B.Tauris & Co, 2011. 288 p.

19. Fox N. Against the Machine: the Hidden Luddite History in Literature, Art, and Individual Lives. Washington : Island Press. 2002. 240 p.

20. Hammond J.L., Hammond B. The Skilled Labourer, 1760—1832. London : Longmans, Green, and Co, 1919. 424 p.

21. Hobsbawm E. The Machine Breakers // Past and Present. 1952. No. 1. Pp. 57—70.

22. Hudson P. The Genesis of Industrial Capital: A Study of the West Riding Wool Textile Industry, c. 1750—1850. Cambridge : Cambridge University Press, 1986. Pp. XX, 345.

23. Jeffrey S. Rebels against the machine // *Socialist Review*. 1993. Iss. 169. November.

24. Jones R. The Luddites: At War with the Future // *History Today*. 2012. Vol. 62, iss. 5.

25. Jones S.E. Against Technology. From Luddites to Neo-Luddism. New York : Taylor and Francis Group, 2006. 288 p.

26. Kalman S., Kennedy S. The French right between the wars: political and intellectual movements from conservatism to fascism. New York : Berghahn Books, 2015. 274 p.

27. Laski H. Authority in modern state. New Haven : Yale University Press, 1919. 412 p.

28. Linebaugh P. Ned Ludd & Queen Mab: Machine-Breaking, Romanticism, and the Several Commons of 1811—12. Oakland : PM Press, 2012. 48 p.

29. Navickas K. The search for 'General Ludd': the mythology of Luddism // *Social History*. 2005. Vol. 30. No. 3. August. Pp. 285—291.

30. Noble D.F. Progress without people: new technology, unemployment, and the message of resistance. Toronto: Between The Lines, 1995. 184 p.

31. Peel F. The Risings of the Luddites, Chartists & Plugdrawers. Heckmondwike : Senior and Co Printers, 1888. 366 p.

32. Prentice A. Historical sketches and personal recollections of Manchester. Intended to illustrate the progress of public opinion from 1792 to 1832. Manchester : J.T. Parkes. 1851. 460 p.

33. Randall A. Before the Luddites: custom, community and machinery in the English woolen industry, 1776—1809. Cambridge : Cambridge University Press, 1991. Pp. XVII, 318.

34. Sale K. The Achievements of 'General Ludd'. A Brief History of the Luddites // *The Ecologist*. 1999. Vol. 29, no. 5. Aug./Sep.

35. The Beggar's complaint against rackerent Landlords, Corn Factors, Great Farmers, Monopolizers, Paper Money Makers and War, and many other Oppressors and Oppressions. Also, some observation on the conduct of the Luddites, in Reference to the Destruction of Machinery. Sheffield : J. Crome, 1812. 130 p.

36. The declaration of the framework knitters, 1 Jan. 1812. Public Record Office, Home Office, 42, p. 119 // A. Aspinall and E. Anthony Smith, eds. *English Historical Documents*, XI, 1783—1832. New York : Oxford University Press, 1959.

37. Weiss J., *Conservatism in Europe*. London : Thames and Hudson LTD, 1977. 180 p.

References

1. Berlin I. (2001) *Filosofiya svobody* [Philosophy of liberty]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 448 p. [in Rus].

2. Kapustin B.G. (2012) *Logos*, no. 4 (88), p. 69 [in Rus].

3. Marks K. Kapital. T. 1. Moscow, Gospolitizda, 1949. 900 p. [in Rus].

4. Murberg I.I. (2009) *Svoboda v prostranstve politicheskogo*. Sovremennye filosofskie diskursy. Moscow, Ideya-Press, 236 p. [in Rus].

5. Paulsen Ch. (1987) *Anglijskie buntari*. Moscow, Progress, 278 p. [in Rus].

6. Rutkevich A.M. (1999) *Chto takoe konservatizm?* Moscow, Universitetskaya kniga, 224 p. [in Rus].

7. Fedorova M.M. (2008) *Zapadnoevropejskij konservatizm pervoj poloviny XIX veka // Evropejskaya politicheskaya mysl' XIX veka* Moscow, Nauka, pp. 383—424 [in Rus].

8. Engels F. (1959) *Polozhenie rabochego klassa v Anglii* // K. Marks, F. Engel's. *Sochineniya*. T. 2. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, pp. 231—517 [in Rus].

9. Archer J.E. (2000) *Social Unrest and Popular Protest in England, 1780—1840*. Cambridge, Cambridge University Press, pp VI, 110 [in Eng].

10. Berkowitz P. (2013) *Constitutional conservatism: liberty, self-government, and political moderation*. London, Hoover institution Press, 146 p. [in Eng].

11. Binfield K. (2004) *Writing of the Luddites*. Baltimore, John Hopkins University Press, 312 p. [in Eng].

12. Blum C.O. (2006) *Spring*. pp. 23—31 [in Eng].

13. Bonald, L.G.A. de (2004) *On the Agricultural Family, the Industrial Family, and the Right of Primogeniture // Critics of the Enlightenment*. Wilmington DE: ISI Books, pp. 107—132 [in Eng].

14. Byron G.G. (1812) *Speech in the House of Lords on the 1812 Frame Breaking Act // The Parliamentary Debates from the year 1803 to the present time*, vol. XXI. London, T.C. Hansard, Peterborough Court, Fleet Street, pp. 966—972 [in Eng].

15. Conniff R. (2011) *What the Luddites Really Fought Against* // *Smithsonian magazine*, March [in Eng].

16. Davis D. (2011) *The Future of Conservatism: Values Revisited*. London, Biteback Publishing, 386 p. [in Eng].
17. Dinwiddy J. R. (1992) *Radicalism and Reform in Britain, 1780 to 1850*. London, The Hambledon Press, 476 p. [in Eng].
18. Dorey P. (2011) *British Conservatism, The Politics and philosophy of inequality*. London, I.B.Tauris & C°, 288 p. [in Eng].
19. Fox N. (2002) *Against the Machine: The Hidden Luddite History in Literature, Art, and Individual Lives*. Washington, Island Press, 240 p. [in Eng].
20. Hammond J.L., Hammond B. (1919) *The Skilled Labourer, 1760—1832*. London, Longmans, Green, and C°, 424 p. [in Eng].
21. Hobsbawm E. (1952) *Past and Present*, no. 1, p. 57—70 [in Eng].
22. Hudson P. (1986) *The Genesis of Industrial Capital: A Study of the West Riding Wool Textile Industry, c. 1750—1850*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. XX, 345 [in Eng].
23. Jeffrey S. (1993) *Socialist Review*, iss. 169, November [in Eng].
24. Jones R. (2012) *History Today*, vol. 62, iss. 5 [in Eng].
25. Jones S.E. (2006) *Against Technology. From Luddites to Neo-Luddism*. New York, Taylor and Francis Group, 288 p. [in Eng].
26. Kalman S., Kennedy S. (2015) *The French right between the wars: political and intellectual movements from conservatism to fascism*. New York, Berghahn Books, 274 p. [in Eng].
27. Laski H. (1919) *Authority in modern state*. New Haven, Yale University Press, 412 p. [in Eng].
28. Linebaugh P. (2012) *Ned Ludd & Queen Mab: Machine-Breaking, Romanticism, and the Several Commons of 1811—12*. Oakland, PM Press, 48 p. [in Eng].
29. Navickas K. (2005) *Social History*, vol. 30, no. 3, August, pp. 285—291 [in Eng].
30. Noble D.F. (1995) *Progress without people: new technology, unemployment, and the message of resistance*. Toronto, Between The Lines, 184 p. [in Eng].
31. Peel F. (1888) *The Risings of the Luddites, Chartists & Plugdrawers*. Heckmondwike, Senior and C°. Printers, 366 p. [in Eng].
32. Prentice A. (1851) *Historical sketches and personal recollections of Manchester. Intended to illustrate the progress of public opinion from 1792 to 1832*. Manchester, J.T. Parkes, 460 p. [in Eng].
33. Randall A. (1991) *Before the Luddites: custom, community and machinery in the English woollen industry, 1776—1809*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. XVII, 318 [in Eng].
34. Sale K. (1999) *The Achievements of 'General Ludd'. A Brief History of the Luddites*. *The Ecologist*, v. 29, n. 5, Aug./Sep. [in Eng].
35. (1812) *The Beggar's complaint against rack-rent Landlords, Corn Factors, Great Farmers, Monopolizers, Paper Money Makers and War, and many other Oppressors and Oppressions. Also, some observation on the conduct of the Luddites, in Reference to the Destruction of Machinery*. Sheffield, J.Crome, 130 p. [in Eng].
36. (1959) *The declaration of the framework knitters*, 1 Jan. 1812. Public Record Office, Home Office, 42, p. 119 // A. Aspinall and E. Anthony Smith, eds. *English Historical Documents*, XI, 1783—1832. New York, Oxford University Press [in Eng].
37. Weiss J. (1977) *Conservatism in Europe*. London, Thames and Hudson LTD, 180 p. [in Eng].

For citing: Podolskiy V. A.
Analysis of the differences
between traditionalism and conservatism
as exemplified by the Luddites movement //
Socium i vlast'. 2018. № 4 (72). P. 28—40.

UDC 32(091)

ANALYSIS OF THE DIFFERENCES BETWEEN TRADITIONALISM AND CONSERVATISM AS EXEMPLIFIED BY THE LUDDITES MOVEMENT¹

Vadim A. Podolskiy,

Cand. Sc. (Political sciences),
Freelance Academic, Sector for History
of Political Philosophy,
Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences,
The Russian Federation,
109240, Moscow, ulitsa Goncharnaya, 12/1.
E-mail: deomniscibili@yandex.ru

Annitation

Introduction. This study compares traditionalism and conservatism as political ideologies. Traditionalism conceptual framework is derived from the analysis of the Luddites movement experience and views of French authors that belonged to the age of the Great French revolution. The author states that conservatism and traditionalism have profound differences, despite being close to each other in political spectrum. The Luddites movement is studied as an example of an ideological conflict. This issue is relevant in our time for two reasons. First, changes in economy and automatization create risks for the labor market. Second, due to migration in both Europe and Russia, conservative or liberal political environment meets, on the one hand, active, and on the other — relatively isolated groups which hold traditionalistic views, which can lead to values-based conflicts. It is therefore quite important to study logics of traditionalism in order to preserve the cultural identity of members of the society and to avoid damage to existing social institutions and relations.

Aims. The present study is focused on identification of distinctive features of traditionalism, extraction of key principles of this ideology from the views of the Luddites movement participants, correlating them with the general context of the political philosophy

of that time. Existing scientific papers usually view Luddism in light of changing economic affairs, while the present study tends to analyze the movement as a landmark in political philosophy reconstruction process. Traditionalism is examined as one of ideologies that opposes liberalism.

Methods. Discourse analysis was used in order to summarize attitudes of the Luddites, articles of that age were studied. Content-analysis was used for thorough examination of the ideas of the traditionalists. Comparative historical method was used to place traditionalism and conservatism against each other.

Scientific novelty of the study: 1) a systematic comparison of traditionalism and conservatism as two ideologies is offered; 2) texts of the French thinker, L. de Bonald, were never translated into Russian, their examination is valuable for Russian science; 3) Luddites movement is analyzed not only within the context of changing economic affairs, but also in light of political ideologies and the realm of politics being redefined.

Results. Ideas of the movement members are summarized as a set of formulas: static and sacred social order, perception of a community, not a class or a person, as a political actor, understanding craft as a unique art, and placed against conservative ideas. This comparison will be of interest for a Russian reader to develop an understanding of how exactly the new, capitalistic way of thinking, which determined the further development of the mankind, formed.

Conclusion. Studying Luddism, despite the phenomenon being local, has a value for forecasting the society's reaction to significant changes in economic affairs. Traditionalism is a kind of a political utopia, based upon an idea of a "golden age" in the past. Conservatism is a working political ideology which not only adapted to social and economic changes of the last two centuries, but determined their dynamics as well.

Key concepts:

Luddism,
traditionalism,
conservatism,
political ideology,
de Bonald,
individualism,
modernization,
British political philosophy.

¹ The work has been executed with the support from RFBR. Grant number 17-33-00060-ОГН а1.